Каникулы в коме

Автор:
Фредерик Бегбедер

Каникулы в коме

Фредерик Бегбедер

“Каникулы в коме” – дерзкая и смешная карикатура на современную французскую богему, считающую себя центром вселенной. На открытие новой дискотеки “Нужники” приглашены лучшие из лучших, сливки общества – артисты, художники, музыканты, топ-модели, дорогие шлюхи, сумасшедшие и дети. Среди приглашенных и Марк Марронье, который в этом безумном мире ищет любовь… и находит – правда, совсем не там, где ожидал.

Фредерик Бегбедер

Каникулы в коме

Frederic Beigbeder

VACANCES DANS LE COMA

© Кормильцев И., наследники, перевод на русский язык, 2003

© Захаров Д., оформление, 2011

© Издание на русском языке. ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”, 2013

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Диане Б.

Одной тебе,

От влюбленного по уши Ф. Бегбеде…

19.00

Он причесывается, надевает или снимает куртку или шарф с таким видом, словно бросает цветок в еще не засыпанную могилу.

Жан-Жак Шуль[1 - Жан-Жак Шуль (1941) – французский писатель, лауреат Гонкуровской премии. (Здесь и далее прим. перев.)]

“Розовая пыльца”

Марку Марронье двадцать семь лет, у него славная квартирка и непыльная работа, поэтому накладывать на себя руки он отнюдь не собирается. Кто бы сомневался.

В дверь звонят. Марк Марронье много чего любит в жизни: фотографии из “Харперз Базар”, ирландское виски безо льда, авеню Веласкеса, одну песенку (“God only knows” “The Beach Boys”), шоколадные эклеры, одну книгу (“Две вдовы” Доменика Ногез[2 - Доменик Ногез (1942) – французский писатель.]) и отложенную эякуляцию. А вот неожиданных звонков в дверь он не любит.

– Мсье Марронье? – спрашивает посыльный в мотоциклетном шлеме.

– Он самый.

– Это вам.

Посыльный в шлеме (их еще зовут “Спиру[3 - Персонаж известного комикса.] в золотом тазике”) протягивает ему конверт почти в квадратный метр площадью, а сам весь дрожит от нетерпения – как будто ему приспичило сходить по малой нужде. Марк берет конверт и вручает парнишке десять франков, чтобы тот навсегда исчез из его жизни. Ибо Марку Марронье и без посыльного в мотоциклетном шлеме неплохо живется.

Он не особенно удивляется, обнаружив в конверте следующее:

НОЧЬ В “НУЖНИКАХ”

****

Торжественное открытие

Площадь Мадлен

Париж

Зато слова на листке, прикрепленном к пригласительному билету, – полная неожиданность:

“Вечером увидимся, старый пидор!

Жосс Дюмулен, диск-жокей”

ЖОСС ДЮМУЛЕН? А Марк-то считал, что он навсегда свалил в Японию. Или помер.

Но мертвые не устраивают дискотек.

И вот Марк Марронье ворошит пятерней свою шевелюру (признак хорошего настроения). Следует сказать: эту самую “ночь в “Нужниках” он предвкушает давно. Вот уже целый год он проезжает мимо места, где сооружается “самый большой ночной клуб Парижа”. И каждый раз у него мелькает мысль, что на открытии будет полным-полно клевых телок.

Марк Марронье любит нравиться клевым телкам. Может быть, и очки-то он носит именно по этой причине. Коллеги по работе утверждают, что в них он похож на Уильяма Херта, когда тот не в форме. (NB. Поскольку заработал близорукость – в лицее им. Людовика Великого и сколиоз – на факультете политических наук.)

Официальное заявление: сегодня вечером, что бы там ни случилось, Марк Марронье намеревается вступить в половую связь. Возможно, с незнакомым человеком. Возможно, их даже будет несколько – кто знает? Он берет с собой шесть резинок, поскольку Марк Марронье – парень амбициозный.

Марк Марронье сознает, что скоро отдаст концы: лет этак через сорок. За это время он еще успеет нам надоесть.

Светский предатель, кухонный бунтовщик, наймит глянцевых журналов, застенчивый буржуа – полжизни он прослушивает свой автоответчик, другую половину – оставляет сообщения на чужих, одновременно безостановочно переключая тридцать каналов кабельного телевидения. Иногда он по нескольку

дней подряд забывает поесть.

В день своего появления на свет он уже, что называется, вышел в тираж. Есть страны, где люди доживают до глубокой старости: в Нейи-сюр-Сен[4 - Пригород Парижа.] стариками рождаются. Еще не начав жить, Марк пресытился жизнью и теперь смакует свои поражения. Например, гордится тем, что написал несколько книжонок в сотню страниц толщиной, которые разошлись тиражом в три тысячи экземпляров. “Поскольку литература мертва, я довольствуюсь тем, что пишу для своих друзей”, – изрекает он на званых ужинах, допивая вино из стаканов соседей.

Пусть Нейи-сюр-Сен продолжает им гордиться.

Хроникер-ноктюрнист, редактор-концептуалист, журналист-литератор – у всех профессий Марка составные названия. Он не желает ничему отдаться целиком – ведь тогда пришлось бы выбирать. Но в наши дни, по утверждению Марка, “весь мир съехал с катушек и единственный имеющийся выбор – кем стать: шизофреником или параноиком”. Как и все хамелеоны (Фреголи[5 - Фреголи Леопольдо (1867–1936) – знаменитый итальянский актер-трансформист.], Зелиг[6 - Зелиг Леонард – американский авантюрист 20-х годов, выдававший себя за разных знаменитостей.], Тьерри Ле Люрон[7 - Тьерри Ле Люрон – французский комик-имперсонатор и шансонье.]), Марк по-настоящему ненавидит только одиночество. Вот почему в этом мире существует множество Марков Марронье.

Дельфин Сейриг[8 - Дельфин Сейриг (1932–1990) – французская актриса и кинорежиссер. Сейриг скончалась 15 октября, что позволяет точно датировать дальнейшие приключения Марка Марронье.] умерла в полдень, а сейчас семь часов вечера. Марк снимает очки, чтобы почистить зубы. Вам же только что объяснили, что он от природы неуравновешенный.

Счастлив ли Марк Марронье? Да уж пожаловаться не на что. Каждый месяц он тратит кучу денег, да и детьми не обременен. Вот это и называется счастьем – жить в свое удовольствие. Одна незадача – нет-нет, да и засосет от страха под ложечкой, а почему – Марк и сам не знает. Беспричинная Тоска. Именно она заставляет его плакать на плохих фильмах. Очевидно, чего-то ему не хватает, но чего? Слава богу, состояние это, как правило, быстро проходит.

Итак, его ждет встреча с Жоссом Дюмуленом. Интересно, как все пройдет, ведь столько воды утекло… В последнем номере “Вэнити фэйр” Жосса назвали “the million dollars deejay”[9 - Диджей на миллион долларов (англ.).]. Жосс – старый друг Марка, но он, по правде говоря, не знает, как относиться к славе приятеля. Марк чувствует себя спринтером, у которого нога застряла в стартовой колодке и он с бессильной злобой наблюдает за соперником, поднимающимся на пьедестал почета под рев толпы.

Коротко говоря, Жосс Дюмулен – повелитель мира: он занимается главным в этом мире делом в самом могущественном городе вселенной. Жосс Дюмулен – лучший диджей Токио.

Стоит ли повторяться и напоминать вам, каким образом диск-жокеи захватили власть? В гедонистическом обществе, да еще таком легковесном, как наше, граждане интересуются одним – развлечениями! (Секс и деньги не являются исключением: деньги позволяют посещать вечеринки, а вечеринки позволяют находить сексуальных партнеров.) А диск-жокеи правят на вечеринках. Им теперь мало ночных клубов – они придумали “рэйв” и заставляют людей танцевать в ангарах, на автостоянках, в цехах заводов и на пустырях. Именно они убили рок-н-ролл и придумали рэп и хауз. Днем они царят в хит-парадах, ночью – в клубах. От них никуда не денешься.

Диджеи превращают наше существование в череду ремиксов. Никто на них за это не в обиде: мы ведь все равно всегда делегируем кому-то власть, так почему бы не диджеям? У них-то хватки ничуть не меньше, чем у бывшего киноактера или адвоката. В конце концов, для того чтобы править, достаточно уметь слушать, производить впечатление культурного человеке и уметь заводить публику.

Забавное это ремесло – диджей: нечто среднее между прелатом и проституткой. Приходится отдавать все тем, кто не даст вам ничего взамен. Ставить пластинки, чтобы другие могли танцевать, веселиться, снимать хорошеньких девочек в платьях в обтяжку. А потом возвращаться к себе домой – в одиночестве, со стопкой дисков под мышкой. Диджей всю жизнь стоит перед дилеммой: он использует чужую музыку, чтобы заставить плясать под нее чужих людей. Он – нечто среднее между Робин Гудом (который грабит, чтобы

раздавать) и Сирано де Бержераком (который живет “по доверенности”). Коротко говоря, первейшая профессия нашей эпохи – сводить людей с ума.

Жосс Дюмулен не стал, подобно Марку, губить свою молодость в стенах Института общественных наук. Как только ему исполнилось двадцать, он усвистал в Японию, имея в багаже всего три слагаемых успеха на “Н”: Напор, Наглость и Независимость. Почему именно в Японию? Да потому, что “тусоваться лучше всего в самой богатой стране мира: где бабки – там и веселье!”.

Очень скоро безделье стало профессией Жосса: не прошло и года, как он превратился в талисман японских ночей. Его вечеринки в “Джулиане” имели бешеный успех. Малыш попал в яблочко: жители Токио как раз начали открывать для себя радости капиталистического разложения. Правительство становилось все более коррумпированным, иностранцы – все более многочисленными. Золотая токийская молодежь не успевала прожигать родительские денежки. Да уж: Марк Марронье выбрал не ту дорогу в жизни…

Как-то раз он навестил приятеля в Токио и может засвидетельствовать: стоило Жоссу Дюмулену войти в “Голд”, и все парни, как один, принимались шумно втягивать воздух ноздрями и жевать промокашку. Что до японских барышень, то они, завидев Жосса, прикидывались гейшами. У Марка осталась куча поляроидных снимков, подтверждающих правдивость его слов.

Жосс Дюмулен проживал жизнь за Марка. Он снимал всех девушек, к которым Марк не решался подойти. Принимал все наркотики, которые тот боялся попробовать. Жосс и Марк совсем не похожи: наверное, поэтому они когда-то были так дружны.

Марк пьет только газированные напитки: кока-колу утром, “Гуронсан” – в полдень и водку с содовой – вечером. Он целый день пожирает пузырьки. Ставя на тумбочку стакан “алка-зельцера” (один раз не считается), он вспоминает Токийскую бухту и океан – ах какой Тихий!

Марк думает о той ночи в “Лав энд секс” (последний этаж “Голд”), когда он и еще с десяток приятелей Жосса “употребляли” малышку-китаяночку… прикованную к кровати наручниками. Потом он познакомился с женой Жосса. Впрочем, так проходили почти все вечера в Токио.

Марку не повезло: его родители живы и здоровы. День за днем они проедают его наследство. А Жосса цифровой сэмплер – устройство, изобретенное в середине восьмидесятых, – сделал богатым и знаменитым. Сэмплер позволяет вычленять лучшие куски любого музыкального произведения и “закольцовывать”, создавая, таким образом, новое произведение в танцевальном стиле.

Благодаря этому гениальному изобретению диджеи, бывшие прежде музыкальными роботами, стали полноценными музыкантами. (Вообразите, что было бы, если бы библиотекари стали сами писать книги, а хранители музеев – рисовать.) Жосс очень быстро просек свою выгоду: его продукция захватила ночные клубы Японии, sic! – всего мира. Днем Жосс в своей дискотеке “стриг” самые клевые записи, а ночью обрушивал их на головы гостей, отслеживал их реакцию, чтобы отбросить худшее и сохранить самое заводное. Жосс искал свой путь посредством проб и ошибок: ибо нет в мире лучшей фокусной группы, чем посетители танцпола. Вот так он и стал мировой звездой, пока наш герой корпел над бесполезными учебниками.

Коммерческий успех не заставил себя ждать. Именно Жосс первым смешал крики птиц с месопотамскими хорами: диск вышел на первое место в тридцати странах, включая Шри-Ланку и СНГ. Следом за этим Жосс совместил ритм “босса-сукусс” с темой из “Вариаций Гольдберга”: мегахит сразу же попал в жесткую ротацию “MTV-Europe”. Марк и сегодня смеется, вспоминая то лето, когда на экраны телевизоров вышел клип Дюмолино в стиле “босса-сукусс” (спонсором была “Оранжина”) и стало модно танцевать, держа партнершу за сиськи.

Все шло, как по-накатанному: состояние Жосса росло как на дрожжах. Жорж Гетари[10 - Жорж Гетари (Ламброс Ворлу; 1915–1997) – французский шансонье египетского происхождения.] исполняет традиционные израильские напевы в костюмах от Жана-Поля Готье? Так это придумал Жосс: двадцать три недели на первом месте французского хитпарада. Концепция техно-госпела? Жосс. Инструментальная пьеса, в которой саксофон Арчи Шеппа[11 - Арчи Шепп – известный американский джазовый саксофонист.] звучал на фоне ударных в

исполнении Кейта Муна[12 - Кейт Мун (1947–1978) – ударник английской рок-группы “The Who”.] (да вы его знаете – тот самый инструментал, который навсегда сделал эйсид-джаз старомодным)? Снова Жосс. Дуэт Сильви Вартан[13 - Сильви Вартан (1944) – известная французская эстрадная певица.] и Джонни Роттена?[14 - Джонни Роттен (Джон Лайдон; 1956) – вокалист английской панк-группы “Sex Pistols”.] Опять Жосс. Сегодня – Марк прочел об этом в “Вэнити Фэйр” (статья была проиллюстрирована фотопортретом Жосса работы Энни Лейбовитц: маэстро утопал в груде магнитной пленки!) – его старый друг готовит новый суперремикс: звуковая дорожка крушения аэробуса А320 будет наложена на голос Петулы Кларк[15 - Петула Кларк (1932) – английская поп-певица.], поющей “Don’t sleep in the subway, darling”[16 - Не спи в метро, дорогой (англ.).]. А еще придумал запись в стиле “гранж”: речь маршала Петена, наложенная на уникальный концерт Лучано Паваротти на стадионе “Уэмбли”, где ему аккомпанирует группа “Эй-Си-Ди-Си”. Ни больше ни меньше. У Жосса – воображение клептомана, его диски продаются с пылу с жару, он беспределен во всем: Жосс Дюмулен ухватил суть нашего времени и производит только коллажи.

И вот Жосс организует презентацию “Нужников”: открытия этого клуба ждет весь Париж. Дело это обычное – Жосс разъезжает по всему миру, организуя “парти” в лучших заведениях: в “Клубе” в Нью-Йорке, в мадридском “Паше”, в лондонском “Министри оф Саунд”, а еще в “90°” в Берлине, в “Бэби О” в Акапулько, в “Бэш” в Майами, в “Рокси” в Амстердаме, в “Мау-Мау” в Буэнос-Айресе, в “Элайен” в Риме и, уж конечно, в “Спейс” в Ибице. Разные стены, но ногами там дрыгают одни и те же люди, несмотря на время года.

Марк раздражен, но потом решает, что во всем есть своя хорошая сторона. В конце концов, Жосс может его познакомить со всеми самыми красивыми девушками, которые придут в клуб, ну, во всяком случае, с теми, которых сам не захочет.

У Марка разветвленная сеть осведомителей: некоторые его подружки весьма “близки” с прессой, другие – со звездами. Они звонят и подтверждают: да, “Нужники” оборудованы в бывшем общественном туалете. На площади Мадлен в рекламных целях установлен гигантский унитаз. Вход оформлен в виде рулона розовой туалетной бумаги двухметровой высоты. Но самое сногсшибательное – во всех смыслах – новшество этого модного местечка обещает полностью

революционизировать ночной досуг парижан: круговая танцевальная дорожка выполнена в форме сортирного “очка” и как бы слегка “притоплена”. В час “Х”, который держат в строжайшей тайне, всех танцующих зальют потоки воды из гигантского сливного бачка. Гостей на вечеринку позвали в последний момент, чтобы сохранить эффект неожиданности. Марк полагает, что большинство приглашенных из кожи вон вылезут, отбрехаются от многочисленных светских обязанностей, но заглянут на открытие.

Да уж, сегодня вечером выбрать, куда пойти, не так-то просто! Журнальный столик Марка завален приглашениями: вернисаж с перформансом на улице Искусств (в 21.00 художник намеревается отрезать себе обе руки), обед в ресторане у Триумфальной арки в честь сводного брата приятеля басиста из группы Ленни Кравитца[17 - Ленни Кравитц (1964) – американский певец и композитор.], костюмированный бал в старых цехах завода “Рено”, в Исси-ле-Мулино, в честь премьеры новых духов (”А ля Шен” от Шанель), закрытый концерт восходящих английских звезд, группы “The John Lennons” в “Цикаде”, тематическая секс-вечеринка в клубе “У Дениз” (”Гетеросексуальные лесбиянки-трансвеститки в кожаных прикидах”) и рэйв-парти на Елисейских Полях. И все-таки Марк уверен – сегодня весь Париж будет задавать только один вопрос: “В “Нужники” идешь?” (Непосвященный рискует ответить невпопад, выдав свою “исключенность” из фронтального опроса.)

Запершись в ванной, Марк вертится перед зеркалом. Сегодня вечером он будет обнимать девушек, не представляясь им. Займется любовью с незнакомыми людьми, не отужинав с ними предварительно наедине раз эдак пятнадцать.

Марк ни на кого не собирается производить впечатление – он и себя-то не может удивить. В глубине души Марк, как и все его друзья, мечтает об одном – снова влюбиться.

Он хватает с вешалки белую рубашку и галстук цвета морской волны в белый горошек, бреется, поливает лицо одеколоном, вопя от боли, и выходит на улицу. Марк не желает поддаваться панике.

Он думает: “Нужно все мифологизировать, потому что все и так призрачно. Предметы, места, даты, люди превращаются в миф, стоит объявить их легендой.

Каждый, кто жил в Париже в 1940-м, неизбежно становился персонажем Модиано[18 - Модиано Патрик (1945) – французский писатель.]. Любая девка, шатавшаяся по лондонским барам в 1965-м, ложилась в постель с Миком Джаггером. По большому счету, чтобы стать легендой, достаточно набраться терпения и дождаться своей очереди. Карнаби-стрит, Хэмптоны, Гринвич-Виллидж, озеро Эгбелетт, Сен-Жерменское предместье, Гоа, Гетари, Параду, Мюстик, Пхукет[19 - Перечисляются излюбленные места времяпрепровождения международной богемы, начиная с 20-х и кончая 90-ми годами прошлого века.]... Зайдите на секунду в сортир в любом из этих мест – и через двадцать лет будете иметь полное право хвастаться: “я там был”. Время – таинство. Вы запарились жить? Потерпите – скоро вы станете легендой!” Ходьба пешком всегда наводит Марка на такие вот странные мысли.

Но труднее всего быть живой легендой. Жоссу Дюмулену это, похоже, удалось.

А кстати, “живая легенда” сует руки в карманы? Носит кашемировый шарф? Снизойдет до “ночи в “Нужниках”?

Марк проверяет, не оказался ли он в зоне приема “Би-Бопа”. Ни одного трехцветного значка в поле зрения. Ну и не о чем беспокоиться. Теперь понятно, почему телефон не звонит: в зоне шестисот метров Марку ничего не грозит.

Раньше Марк ни одного вечера не сидел дома, причем мотался он не только по делам. Изредка его видели с Жосленом дю Муленом (ну да, когда-то его звали именно так: аристократическая приставка исчезла совсем недавно – когда он записался в псевдодемократы).

Погода чудная, и Марк мурлычет себе под нос “Singing in the rain[20 - Я пою под дождем (англ.).]”. Это лучше, чем напевать “Солнечный понедельник” под дождем. (К тому же сегодня пятница.)

Париж похож на съемочную площадку – но всего лишь похож. Марк Марронье предпочел бы, чтоб он был из папье-маше. Ему больше нравится тот Новый мост,

что Лео Каракс[21 - Лео Каракс – французский кинорежиссер.] выстроил для своего фильма в чистом поле, – не чета настоящему, который Христо[22 - Христо (Христо Жавачев; 1935) – болгарский художник-концептуалист.] укутал брезентом. Марк был бы не против, чтобы весь этот город добровольно стал иллюзией, отказавшись от реальности. Париж слишком красив, чтоб быть настоящим! Марк мечтает, чтобы тени, движущиеся за окнами, отбрасывали картонные манекены, управляемые с помощью электрического реле. Увы, в Сене течет настоящая вода, здания сложены из прочного камня, а прохожие на улицах ничем не напоминают статистов на ставке. Иллюзия существует, но спрятана она гораздо глубже.

В последнее время круг общения Марка стал у?же. Он проявляет разборчивость. Вообще-то это старость заявляет свои права. Марк злится, хоть все ему и обещают, что “и это пройдет”…

Сегодня вечером он будет клеить девушек. Кстати, а почему он не голубой? Довольно странно, учитывая его декадентское окружение, так называемые творческие склонности и страсть к провокационным выходкам. Скорее всего, тут-то и зарыта собака: быть геем в наши дни – это уже конформизм. Слишком простое решение. И еще – Марк ненавидит волосатых мужиков.

Признаем очевидность: Марронье – из тех типов, что носят галстуки в горошек и пристают к девушкам.

Жил да был мир, и жил да был Марк. Вот он идет по бульвару Малерб. Безнадежно банальный, следовательно – единственный в своем роде. Он направляется на вечеринку года. Вы узнаете его? Ему больше нечем заняться. Его оптимизм возмутителен. (Даже легавые никогда не проверяют у него документов.) Он идет на праздник, не чувствуя ни малейших угрызений совести. “Праздник – это то, чего всегда ждешь”. (Ролан Барт. “Фрагменты одного объяснения в любви”.)

”Заткнись, дохлый миф! – брюзжит про себя Марронье. – Когда ждешь – кончаешь под грузовиком, развозящим белье из прачечной”.

Пройдя по инерции еще несколько шагов, Марк спохватывается: “Да ладно, чего там, Барт прав, я только и делаю, что жду, и мне стыдно. В шестнадцать лет я мечтал покорить мир, стать рок-звездой, или знаменитым киноактером, или великим писателем, или Президентом республики, или – в крайнем случае – умереть молодым. Мне двадцать семь, а я уже перегорел: рок – слишком сложно, в кино не протыришься, все великие писатели мертвы, республика погрязла в коррупции, а со смертью мне теперь хочется встретиться как можно позднее”.

20.00

Мой праздный горожанин живет и радуется жизни лишь под покровом ночи, ибо ночь – это долгий одинокий праздник.

Хорхе Луис Борхес “Луна напротив”

Жить надо рисково, но время от времени Марк любит хорошо поесть у “Лядюре”.

Чтобы не прийти в “Нужники” ровно к указанному часу, он заказывает горячий шоколад и сочиняет двуязычное хайку:

Господин со слоновьим хоботом

Забавлялся орально с роботом

And in his mouth he came[23 - И кончил ему прямо в рот (англ.).],

Распивая “Шато-икем”.

Пожилая официантка приносит чашку, и Марк впадает в жестокую тоску: это какао доставили прямо из Африки, его нужно было собрать, привезти в Европу, переработать на заводах Ван Хутена, превратить в растворимый порошок, снова перевезти, вскипятить молоко, полученное от нормандской коровы, содержавшейся на ферме при другом заводе (интересно, “Кандия” или “Лактель”?), следить за кастрюлей, чтобы не убежало… короче говоря, тысячи людей работали, чтобы теперь эта чашка шоколаду остывала перед его носом на столике. Вся эта херова туча людей ишачила ради обычной чашки шоколаду.

Может, кто-то из рабочих погиб, расплющенный ужасным прессом для выдавливания масла из бобов какао, и все для того, чтобы Марк мог помешивать ложечкой в чашке. Ему кажется, что все эти люди смотрят на него и приговаривают: “Пей шоколад, Марк, пей, пока горячий, пусть даже цена этой чашки равна годовому заработку, – ты бессилен”. Он встает из-за стола и, нахмурившись, спешит к выходу. Как вам уже было сказано, не все его действия разумны. Его может привести в ужас геометрический узор на обоях, или сочетание цифр на номерном знаке, или взгляд толстяка, жующего пиццу.

Церковь Св. Мадлен никуда не девалась со своей Площади. Перед входом в “Нужники” уже толпились люди. Балет зевак, притворяющихся папарацци, и папарацци, притворяющихся зеваками. Из огромных колонок льется ремикс песни Шуберта “An die Nachtigall”[24 - “К соловью” (нем.).], наложенной на “Nightingale”[25 - “Соловей” (англ.).] Джули Круз[26 - Джули Круз – американская певица и актриса, более всего известная по саундтреку к телесериалу “Твин Пикс”.]. Наверняка это всего лишь первый из сюрпризов Жосса Дюмулена.

Гигантский унитаз из белого мрамора окутан искусственным дымом и снабжен вертикальной подсветкой. Лучи прожекторов утыкаются в небо. Все вместе это напоминает то ли цилиндры телепортации из “Стар Трека”, то ли воздушную тревогу в Лондоне во время обстрела “Фау-2”. Любопытные толкутся возле входа, словно сперматозоиды вокруг яйцеклетки.

– Вы кто? – спрашивает питбуль в человеческом облике, сторожащий двери.

Кратко, с таким видом, словно полный ответ на этот вопрос занял бы не один час, Марк бросает:

– Марронье.

Охранник повторяет его фамилию в свою рацию.

Тихий ангел пролетел. Каждый раз одно и то же. Гостей проверяют по списку. Многие считают вышибал ночных клубов потомками Цербера, но на самом деле они происходят по прямой линии от фиванского Сфинкса. Загадываемые ими

загадки касаются самых тайн существования. Марк задумывается, правильно ли он ответил на вопрос. Наконец сквозь шум и треск ухо питбуля улавливает положительный ответ. Марк существует! Он есть в списке, следовательно – существует! Привратник с почтением поднимает веревочку и впускает Марка в клуб. Толпа расступается, словно волны морские перед Моисеем, с той только разницей, что Марк, в отличие от Моисея, свежевыбрит.

Мозаичная надпись на стене гласит: “Построено заводами Порше, Париж – Ревен, 1905”. Прямо под ней маленькая голубая голограмма, изображающая улыбающуюся голую девушку с татуировкой на животе: “Клуб “Нужники”, Париж – Токио, 1993”.

Жосс Дюмулен встречает приглашенных у входа, сразу за рамкой металлоискателя, с командой телевизионщиков, которые устанавливают свои осветительные приборы. Волосы прилизаны, смокинг застегнут на все пуговицы, телохранители на стреме, мобильник в руке.

– Эге-ге! Сам великий Марронье пожаловал к нам! Сколько лет, сколько зим!

Они бросаются друг к другу в объятия, как принято в мире шоу-бизнеса: это позволяет скрыть подлинные эмоции.

– Рад тебя видеть, Жослен.

– Мерзавец! Не смей меня так называть, – хохочет Жосс. – Я теперь – юнец до мозга костей.

– Так-так, значит, это твоя халабуда? – спрашивает Марк.

– “Нужники”? Нет, клуб принадлежит моим японским друзьям. Знаешь, тем, у кого на руке мизинца не хватает… ладно, я крайне рад, что ты меня навестил, дружище.

– Раз уж один из наших преуспел в этой жизни… Никогда бы такого не пропустил. Кроме того, я всегда хотел узнать, как стать Жоссом Дюмуленом.

– Сам понимаешь – фабрика звезд! Впрочем, открою тебе мой секрет: талант, прежде всего талант. Словил? Разве не смешно? С тех пор как я стал знаменит, мои хохмы всегда вызывают бурю смеха. А ты что, не такой, как все?

– Ха-ха-ха! – изображает смех Марк. – Как тонко! Ладно, все это здорово, но где же нимфоманки?

– Да остынь, шустрый ты наш электровеник! How arrre youu, baroness?[27 - Как пожжжживаете, баронесса? (англ.)]

Жосс Дюмулен похлопывает баронессу Труффальдино по плечу, словно это надувная кукла, хотя она больше всего смахивает на комок подтаявшего масла в очках с тройными стеклами. Затем он вновь поворачивается к Марку:

– Пойди пока выпей, Марчелло ты мой дорогой, а я тебя догоню. Что до нимфоманок, тут их пруд пруди! Я пригласил шестьсот лучших. Вот, к примеру, Маргарита. Oh my God, Маргарита, you look SO nymphomaniac![28 - Боже, ты выглядишь как настоящая нимфоманка! (англ.)]

В Маргариту Жосс переименовал Марджори Лоуренс – знаменитую манекенщицу пятидесятых годов, которой стукнуло уже с полвека. Марк с видом просвещенного геронтофила почтительно целует ей ручку. Коверканье имен – одна из любимых забав Жосса. Симпатия, которую прославленный диджей испытывает к большинству людей, сродни симпатическим чернилам: она проявляется в нужный момент, чтобы очень быстро вновь исчезнуть.

Марк повинуется и направляется к бару. Надо привести себя в боевую готовность.

Обратите внимание на одну важную деталь: он больше не хмурится.

– Две “Лоботомии” со льдом, пожалуйста.

У Марка привычка заказывать сразу по два напитка, особенно когда они бесплатные. Кроме того – очень удобно, если не хочешь пожимать руку всем и каждому.

Бережно сохранив стиль рококо, присущий туалетам, построенным в начале века, архитекторы сумели превратить их огромный зал в триумф высокотехнологичного безумия, достойный эпохи нового варварства, что наверняка сумеют оценить по достоинству японские заказчики. Два уровня клуба образуют окружность гигантского унитаза в тридцать метров диаметром. Первый этаж представляет собой его донышко, окруженное проходом с барными стойками и столиками. В центре расположен танцпол, где сейчас накрыты банкетные столы. Между первым и вторым уровнями находится гигантская прозрачная будка диджея, напоминающая огромный мыльный пузырь; с танцполом ее соединяют два белых желоба. Обстановка вызывает у Марка неприятное ощущение, словно он попал внутрь гигантской гравюры Пиранези[29 - Пиранези Джованни Батиста (1720–1778) – итальянский гравер и художник.].

В зале пока почти никого нет.

“Хороший знак, – думает Марк. – Вечеринка, которая начинается с давки у дверей, притом что внутри нет ни души, это – правильная вечеринка”.

– Ну что, Марк, разогреваешься? – спрашивает Жосс, присоединяясь к приятелю, сидящему в верхнем баре.

– Я люблю приходить заранее, чтобы собраться с силами.

Чувствуя себя виноватым, Марк протягивает один из бокалов Жоссу.

– Спасибо, я не пью. У меня есть кое-что получше. Пойдем, покажу.

Марк следует за ним в служебное помещение, и тут Жосс демонстрирует ему спичечный коробок из отеля “Уолдорф-Астория”.

– Слушай, Жосс, если ты меня собираешься этим потрясти, то спешу сообщить тебе, что у меня дома есть пепельница и купальный халат из “Пьера”…

– Погоди, приятель…

Жосс открывает маленькую картонную коробочку: она наполнена белыми капсулами.

– “Эйфория”. Глотаешь одну такую капсулу и становишься тем, кто ты есть на самом деле. Каждая капсула равна по силе десяти таблеткам “экстази”. Бери, не стесняйся, а то у вас в Париже, похоже, ничего достать невозможно!

Марк не успевает и слова вымолвить, как Жосс уже засовывает таблетку ему в карман. Потом, выкрикивая на ходу чье-то имя, снова бросается ко входу. Этому чокнутому здесь все по душе. Марк в смятении: он побаивается подобных штучек. Обычно люди употребляют наркотики, чтобы избавиться от страха. Марк же Марронье по той же самой причине их не употребляет.

Все это ни на шаг не приблизило Марка к цели: он так и не выяснил, где затаились нимфоманки.

Марк машинально нащупывает капсулу в кармане куртки: возможно, она ему еще понадобится. Коктейль уже ударил в голову. Врач велел ему перестать пить натощак. Но Марк ловит такой кайф от первого бокала, стекающего в пустой желудок. Впрочем, он часто задается вопросом, что вреднее – алкоголь или аспирин. Яд или лекарство.

Звучит очередной ремикс: голос Саддама Хусейна плюс арабская музыка, исполненная на синтезаторе. На телеэкранах – хроника войны в Югославии. Жосс Дюмулен смешивает все со всем: таково его ремесло.

Марк решает, что хотел бы быть диджеем. Хороший это способ стать музыкантом, не утруждая себя изучением игры ни на одном инструменте. Творить, даже не имея таланта. Какая блестящая идея!

Клуб понемногу заполняется, бокалы – пустеют. Марк облокачивается о стойку бара и созерцает проплывающую мимо процессию приглашенных. Гардеробщики принимают из их рук шубы, выдавая взамен номерки. Входит знаменитый торговец оружием, под руку с двумя великолепными гуриями. Кто из них его жена, а кто – дочь? Трудно сказать. Пара мулаток все время попадается ему на

глаза. Их откровенные наряды так же фальшивы, как и они сами. В зале представлены все районы: левый берег, правый берег, остров, север, юг и центр XVI округа, набережная Конти, Вогезская площадь, несколько авантюристов из “Ритца” или с авеню Жюно (75018), Кенсингтон, пьяцца Навона, Риверсайд Драйв…

Вечеринка набирает силу. Каждый новоприбывший символизирует целую вселенную, каждый – словно бомба, которая должна взорваться в назначенный час, каждый – отдельный ингредиент в дьявольской смеси Жосса, который словно задался целью собрать весь мир в одном месте, сжать всю планету до размеров одной ночи. Марк наблюдает в прямом эфире рождение вечеринки. Нет никакой разницы между вечеринкой и жизнью: они рождаются, развиваются и угасают по одной и той же схеме. И когда им приходит конец, наступает время ликвидировать последствия, расставлять по местам перевернутые стулья и подметать пол (вот сукины дети, опять они все перевернули вверх дном!).

Возможно, это лирическое отступление спровоцировал второй коктейль…

Этого пижона Марка Марронье ничем не проймешь. Правда, у него довольно жалкий вид, когда он сидит в баре и пожирает жадным взглядом девушек, спускающихся по лестнице. Адепты пирсинга сводят с ума детектор металла. Ночь стремительно надвигается на Марка, а он остается недвижим. Он достает из кармана блок желтых листков “Post-It”, чтобы записать эту последнюю фразу и забыть ее навсегда.

Он наблюдает за Жоссом Дюмуленом, который порхает мотыльком, и заказывает себе третий бесплатный коктейль. Он вопрошает себя, что сталось с героями его юности. Сказать по правде, Джима Моррисона он просто не знает: его героев зовут Ив Адриен, Патрик Юделин, Ален Пакади[30 - Звезды парижской рок-сцены 70—80-х годов.]. Каждое поколение имеет своих героев: некоторые из них гибнут, других постигает худшая участь – о них попросту забывают.

На этот раз Марк не обращает никакого внимания на то, что творится вокруг. Он лихорадочно пишет на желтом листке:

Я ЗАБЫЛ

Я забыл восьмидесятые годы: то десятилетие, когда мне исполнилось двадцать, и в этот момент я осознал, что смертен.

Я забыл название единственного романа Гийома Серпа (автор умер от передозировки вскоре после его публикации).

Я забыл манекенщиц Бет Тодд, Дойль Хаддон и Кристи Бринкли.

Я забыл журналы “Метал юрлан”, “Сити”, “Фасад”, “Эль сон де сорти” и “Палас магазин”.

Я забыл список бывших любовников Эрве Гибера[31 - Эрве Гибер (1955–1991) – французский писатель, умерший от СПИДа.].

Я забыл клубы “Семь” на улице Сент-Анн и “Писсин” на улице Тильзит.

Я забыл песни “ Tainted love”[32 - “Порочная любовь” (англ.).]группы “Софт Селл” и “Стать седым” группы “Визаж”.

Я забыл Ива Мурузи[33 - Ив Мурузи (1942–1998) – популярнейший французский тележурналист.].

Я забыл полное собрание сочинений Ришара Боринже[34 - Ришар Боринже (Рихард Борингер; 1941) – французский актер, писатель и певец.].

Я забыл движение “Allons-z-idees”.

Я забыл характеристики базуки.

Я забыл фильмы Дивина.

Я забыл диски группы “Human League”.

Я забыл двух непопулярных Аленов: Савари и Деваке. (Кстати, кто из них умер?)

Я забыл музыку в стиле “ска”.

Я забыл миллионы часов, проведенные на лекциях по административному праву, общественным финансам и политической экономии.

Я забыл, что нужно жить (название песни Джонни Холлидея).

Я забыл, как называлась Россия первые три четверти двадцатого века.

Я забыл Йоджи Ямамото.

Я забыл полное собрание сочинений Эрве Клода.

Я забыл “Твикенхем”.

Я забыл кинотеатр “Клюни” на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Жак и кинотеатр “Бонапарт” на площади Сен-Сюльпис и “Студио” на улице полковника Бертрана.

Я забыл “Элизе-Матиньон” и “Руайяль Лье”.

Я забыл TV6.

Я забыл о себе.

Я забыл, от чего умер Боб Марли, а также какое снотворное принимала Далида.

Я забыл Кристиана Нуччи и Ива Шалье (ИВ ШАЛЬЕ – представляете себе, неужели его именно так и звали – Ив Шалье?).

Я забыл Дари Бубуль.

Я забыл, что такое “Ванная” – фильм или книга.

Я забыл, как собирают кубик Рубика.

Я забыл имя португальского фотографа, который вернулся за своими пленками на борт “Рэйнбоу уорриор” в самый неподходящий момент.

Я забыл, что такое “умственный СПИД”.

Я забыл Жана Леканюе и группу “Зиг Зиг Спутник”. И Бьорна Борга.

Я забыл “Опера Найт”, “Эльдорадо” и “Роз Бонбон”.

Я забыл имена всех заложников в Ливане, за исключением Жан-Поля Кауффмана.

Я забыл марку черной машины, из которой швырнули бомбу в “Тати” на улице Ренн. (“Мерседес”? “БМВ”? “Порше”? “Сааб турбо”?)

Я забыл “ Treets”, “Трех мушкетеров” и “Daninos”.

Я забыл фиолетовое “Фрюите” с яблоками и черной смородиной.

Я забыл группы “Особенный партнер” и “Петер и Слоан”. И Аннабель Мулуджи. И “Boule de flipper” Коринн Шарби! (Э нет, ее-то я часто вспоминаю.)

Я забыл Международную дипломатическую академию, общество “Франция – Америка”, “Американский легион”, “Межэтнический кружок”, “Клуб автомобилистов Франции”, Pavillon d’Ermenonville, Pavillon des Oiseaux, Pre Catelan и бассейн в Tir aux Pigeons.

(Нет, это не совсем так, кто же может забыть БАССЕЙН В TIR AUX PIGEONS? Нагишом, в четыре часа ночи, где нас травили собаками.)

Внизу уже накрыт ужин. Марк наконец добирается до своего стола. Его имя написано на маленькой карточке между именами Ирэн де Казачок (длинный балахон с глубоким декольте) и Лулу Зибелин (брючный ориентальный костюм очень cool). Ни та ни другая еще не пришли. Какую из них первой оседлает Марк? А что, если они навалятся на него всем скопом? Правая рука за корсажем у одной, левая – на заднице у другой? От одной мысли об этом у Марка

начинается шевеление в штанах.

Слава богу, мечтания Марка прерывает появление верного наперсника: его зовут Фаб. Одет Фаб в обтягивающий комбинезон из флюоресцентной лайкры. Череп выбрит таким образом, что остатки высветленных перекисью волос образуют на черепе слово “FLY[35 - МУХА (англ.).]”. Фаба могли произвести на свет Жан-Клод Ван Дамм и черепашка-ниндзя. Он выражается исключительно на языке “гипно”. Фаб – самый милый фигляр на свете, к несчастью для себя родившийся лет на сто раньше, чем следовало.

– Йоу, Chestnut-Tree![36 - Каштановое дерево – перевод на английский фамилии Марронье. Английский – сверхгипнотичен. – Прим. авт.] Здесь все просто суперкул!

– Привет, Фаб! Кстати, мы – за одним столом, – отвечает ему Марк.

– Улёт! Разбавим массив в пыль!

Да уж, с таким соседом скучать Марку вряд ли придется.

21.00

Я пишу, наступает вечер, люди отправляются ужинать.

Генри Миллер

”Спокойные дни в Клиши”

Группы формируются, формы группируются. В конце концов все рассядутся. Те, кого почитают ночной элитой западного мира, проявляют здесь чудеса терпения. Добрая сотня CSP ++++, которых правильнее всего было бы окрестить Незаменимыми Ненужностями.

Деньги сочатся изо всех щелей. В этой компании любой, у кого при себе наличными меньше двадцати штук, выглядит подозрительно, хотя никто здесь деньгами не хвастает. Все сатрапы нынче хотят казаться художниками. Здесь ты обязан быть модным фотографом, или главным редактором (или хотя бы его замом), или телевизионным продюсером, или писателем, “который как раз заканчивает роман”, или серийным убийцей. В этом кругу, если не хочешь навлечь на себя подозрения, притворись “креативным”. Марк Марронье тщательно изучает список гостей, чтобы уточнить, кто его окружает. Какое облегчение: это те люди, с которыми он провел вчерашний вечер и с которыми проведет завтрашний! Те, кто находятся вверху списка, – счастливчики, у них свой столик, а те, кто рангом пониже, – рабы, ведь им не достались места наверху.

НОЧЬ В “НУЖНИКАХ”

Торжественный ужин – список VIP

Густав фон Ашенбах

Сюзанн Бартш

Патрик Бейтмен

Братья Баэр

Анри Балладюр

Жильберт Берегову

Хельмут Бергер

Лова Бернардин

Ли Боуэри

Маноло де Брантос

Карла Бруни-Тедески

Ари и Эмма Визман

Хосе-Луис де Виллалонга

Оскар де Вюртемберг

Паоло Гарденаль

Фаустина Гибискус

Агата Годар

Жан-Мишель Гравье

Жан-Батист Гренуй

Франческа Деллера

Жак Деррида

Джейд Джаггер

Антуан Дуанель

Борис Ельцин

Жосс + друзья

Соланж Жюстерини

Гюнтер Закс

Ален Занини

Зарак

Лулу Зибелин

Ирэн де Казачок

Фок Кан

Кастели-младшие

Матье Кокто

Даниэль Кон-Бендит

Альбаны де Клермон-Тоннер

Клио

Ондин Кензак

Кристиан и Франсуаза Лакруа

Марк Ламброн

Арьель Леви + 2

Серж Ленц + тигрица

Роксана Ловит

Марджори Лоуренс барон фон Майнерхофф

Эльза Максвелл

Бенжамен Малоссен

Марк Марронье

Омеро Машри

Виржини Муза

Тьерри Мюглер

Роже Нельсон

Констанс Нейхофф

Масоко Ойя

Пакита Пакин

Роже Пейрефитт

Гийом Раппно

Роганы-Шабо + их родители

Пьер Селейрон

Уильям К. Тарсис III

барон и баронесса Труффальдино

Лиз Тубон принцесса Глория фон Турн-унд-Таксис

Инес и Луиджи д’Урсо

Денис Вестхофф

Фаб сестры Фавье

Его Превосходительство Генеральный консул Джеффри Фирмин

Хардиссоны

Али де Хиршенберг

Одри Хорн

Шамако

Эрик Шмитт

Луиза Чикконе

Генри Чинаски[37 - Подробный комментарий “Списка приглашенных” занял бы слишком много места: отметим только, что в нем есть реальные лица под своими именами – политики (Ельцин, Береговуа, Балладюр), фотографы (Бартш), персонажи литературных произведений (Жан-Батист Гренуй, Патрик Бейтмен, Генри Чинаски) и кинофильмов, фэшн-дизайнеры (Боуэри), музыканты (Луиза Чикконе – настоящее имя Мадонны), философы (Кон-Бендит, Деррида).]

(Марк с облегчением констатирует, что не приглашен ни один член правительства.)

Он читает список гостей вслух, дабы насладиться музыкой имен собственных.

– Вы только послушайте! – говорит он в сторону. – Это же музыка одиноких существований!

– Скажите, Марк, – перебивает его Лулу Зибелин, – вы знали, что Анджело Ринальди упоминал общественные туалеты?

– Да неужели?

– Ну конечно! В “Исповеди на холмах”, если мне не изменяет память…

– Ага… Значит, в “Нужниках” будет исповедальня? Вот так новость! Это надо спрыснуть! (Марк часто говорит в такой манере, когда не знает, что сказать.)

Лулу Зибелин: сорок лет, журналистка в итальянском издании “Вог”, специализируется на курортной талассотерапии и тантрических оргазмах (две области не столь далекие друг от друга, как это кажется на первый взгляд). На длинном носу – огромные очки в красной оправе. На лице безразлично-презрительное выражение – как у всех женщин, которых в настоящем кадрят гораздо реже, чем в прошлом.

– Мадам, – продолжает Марк, – не хочу вас пугать, но вы сидите рядом с законченным сексуальным маньяком.

– Не огорчайтесь, – отвечает Лулу. – Это проходит. Впрочем, вы меня слегка беспокоите: все мужчины – сексуальные маньяки, но опасны лишь те, что прямо об этом заявляют.

– Минуточку! Давайте не уточнять: я никогда не объявлял себя половым гигантом. Можно ведь быть и бездарным маньяком.

Марк всегда заявляет, что никто в Париже не трахается хуже него: как правило, женщин охватывает непреодолимое желание проверить, так ли оно на самом деле, и это вынуждает их быть к нему снисходительными.

– Ладно, раз вы считаете себя спецом в этих делах, – бросает он небрежно, – посоветуйте пару-тройку ударных фраз для начала знакомства. Ну, типа: “Вы живете вместе с родителями?”, “Девушка, где вы такие хорошенькие глазки достали?” – и все такое. Это может мне очень пригодиться сегодня вечером – я слегка потерял квалификацию.

– Дорогой мой, фразы не так важны! Главное – выражение лица. Есть, правда, вопросы, перед которыми не может устоять ни одна женщина. Ну, например: “Мы с вами где-то уже виделись?” Звучит банально, но успокаивающе. Или: “Вы, случайно, не топ-модель?” – ведь никто и никогда в мире не упрекнет вас за комплимент. Но иногда успеха можно достичь и при помощи хамства. Так, фраза “Ну, у вас, девушка, и задница: вы мне весь проход загородили” может подействовать (разумеется, если у девушки не слишком пышные формы).

– Безумно интересно, – заявляет Марк, делая пометки на листочках “Post-It”. – А что вы думаете о чем-нибудь типа: “У тебя сдачи с восьмисот франков одной бумажкой не будет?”

– Слишком абсурдно.

– А так: “Ты согласна, что у нас с тобой ничего не получится?”

– Так говорят неудачники.

– А как насчет вот этой, моей коронной: “Мадемуазель, вы в рот берете?”

– Рискованно. Девять шансов из десяти, что заработаете фонарь под глаз.

– Разумеется, но разве остающийся шанс не стоит того, чтобы рискнуть?

– Если посмотреть с этой точки зрения – конечно! Кто ничем не рискует, тот не пьет шампанское.

Марк только что соврал: на самом деле его любимая фраза для начала знакомства – следующая: “Мадемуазель, позвольте угостить вас лимонадом?”

Столик Марка расположен не худшим образом – прямо рядом со столиком Жосса. Армада метрдотелей в белых куртках выносят на блюдах устриц-жемчужниц. Забавный аттракцион: знай открывай себе раковины и смотри, что тебе выпало. То тут, то там раздаются возгласы:

– А в моей целых две жемчужины, посмотрите!

– А в моей почему ничего нет?

– Смотрите, смотрите, какая огромная, правда?

– Из нее вполне можно сделать кулон.

– Дорогая, ты лучше всех жемчужин на свете!

Все это смахивало на крещенские развлечения: Марку кажется, что все они боб[38 - По традиции, во Франции в праздник подают пирог с запеченным в него на счастье бобом, а нашедшего провозглашают королем или королевой.] в куске пирога. Впрочем, ожерелья из бобов пока что не продают на Вандомской площади.

Ирэн де Казачок, британский модельер украинского происхождения, сплетничает с Фабом. Родилась 17 июня 1962 года в Ирландии, в Корке, ее любимый писатель – В.С.Найпол, обожает первый альбом группы “The Pogues”. В университете у нее случился гомосексуальный роман с Дейрдре Малрони, капитаном женской сборной по регби. Ее старшего брата зовут Марк, и он принимает “мандракс”. У нее было два выкидыша: в 1980-м и год назад.

Фаб слушает ее, качая головой. Каждый из них не понимает ни слова из того, что говорит другой, но между ними установилось полное взаимопонимание. В будущем, наверное, все разговоры будут похожи на этот диалог. Тогда, возможно, мы наконец все настроимся на одну волну.

Ирэн: “Одежда должна оставаться неподвижной на body because if you[39 - …теле, потому что, если вы… (англ.)] наденете нечто в этом роде, это будет просто жуть, вы не сможете ощущать фактуру, it’s just too grungy you know. Oh my God: look at this pearl[40 - …чересчур топорно, понимаете. О боже! Только взгляните на эту жемчужину… (англ.)], она просто огромная!!!”

Фаб: “Полный транс, Ир, без проблем, мисс, я в полном параллелограмме, однозначно, do you сталкивались с ментальным гипнозом? Я есть вектор пространства-времени, мононуклеарный биохимик! We gonna do a mega-fly in космос! May I call U Perle Harbor?”[41 - Мы совершим мегаполет в космос. Могу я

называть вас Перль Харбор? (Зд. игра слов: Pearle – жемчужина – фр.) (англ.)]

На Ирэн – корсет, сплетенный из колючей проволоки и надетый поверх винилового нижнего белья. Последний писк моды. Марк пытается не упустить ни слова из этого исторического диалога, но Лулу снова отвлекает его:

– Ходят слухи, что вы подались в рекламу? – спрашивает она. – В таком случае я разочарована.

– Увы, я лишен всякого воображения: занялся светской хроникой, хочу походить на Марчелло Мастроянни в “Сладкой жизни”, а еще – редактирую рекламу и подражаю Кёрку Дугласу в “Сделке”.

– На самом деле вы похожи на плохую копию Уильяма Херта.

– Благодарю за комплимент.

– Неужели вам не противно манипулировать массами? Творить эпоху пустоты? Участвовать во всей этой мерзости?

На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Лулу не забыла свой май 1968-го, когда она прикатила в “мини-купере” в Латинский квартал и познала радости группового секса в театре “Одеон”. С тех пор она тоскует по революционным корчам. Марк тоже, в некотором смысле. Он бы тоже хотел разрушить этот мир, вот только не знает, откуда начать.

– Ну, уж раз вы так настаиваете, мадам, позвольте мне объяснить вам мою теорию: я считаю необходимым участвовать во всем этом гигантском бардаке, потому что, сидя дома, мир не изменишь. Вместо того чтобы проклинать идущие мимо поезда, я предпочитаю сворачивать с маршрута самолеты. Вот и вся моя теория. Как ни крути, я работаю в зоне риска. Ощущаю себя инвестором, который вложил все свои денежки в металлургию.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Жан-Жак Шуль (1941) – французский писатель, лауреат Гонкуровской премии. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Доменик Ногез (1942) – французский писатель.

3

Персонаж известного комикса.

4

Пригород Парижа.

5

Фреголи Леопольдо (1867–1936) – знаменитый итальянский актер-трансформист.

6

Зелиг Леонард – американский авантюрист 20-х годов, выдававший себя за разных знаменитостей.

7

Тьерри Ле Люрон – французский комик-имперсонатор и шансонье.

8

Дельфин Сейриг (1932–1990) – французская актриса и кинорежиссер. Сейриг скончалась 15 октября, что позволяет точно датировать дальнейшие приключения Марка Марронье.

9

Диджей на миллион долларов (англ.).

10

Жорж Гетари (Ламброс Ворлу; 1915–1997) – французский шансонье египетского происхождения.

11

Арчи Шепп – известный американский джазовый саксофонист.

12

Кейт Мун (1947–1978) – ударник английской рок-группы “The Who”.

13

Сильви Вартан (1944) – известная французская эстрадная певица.

14

Джонни Роттен (Джон Лайдон; 1956) – вокалист английской панк-группы “Sex Pistols”.

15

Петула Кларк (1932) – английская поп-певица.

16

Не спи в метро, дорогой (англ.).

17

Ленни Кравитц (1964) – американский певец и композитор.

18

Модиано Патрик (1945) – французский писатель.

19

Перечисляются излюбленные места времяпрепровождения международной богемы, начиная с 20-х и кончая 90-ми годами прошлого века.

20

Я пою под дождем (англ.).

21

Лео Каракс – французский кинорежиссер.

22

Христо (Христо Жавачев; 1935) – болгарский художник-концептуалист.

23

И кончил ему прямо в рот (англ.).

24

“К соловью” (нем.).

25

“Соловей” (англ.).

26

Джули Круз – американская певица и актриса, более всего известная по саундтреку к телесериалу “Твин Пикс”.

27

Как пожжжживаете, баронесса? (англ.)

28

Боже, ты выглядишь как настоящая нимфоманка! (англ.)

29

Пиранези Джованни Батиста (1720–1778) – итальянский гравер и художник.

30

Звезды парижской рок-сцены 70—80-х годов.

31

Эрве Гибер (1955–1991) – французский писатель, умерший от СПИДа.

32

“Порочная любовь” (англ.).

33

Ив Мурузи (1942–1998) – популярнейший французский тележурналист.

34

Ришар Боринже (Рихард Борингер; 1941) – французский актер, писатель и певец.

35

МУХА (англ.).

36

Каштановое дерево – перевод на английский фамилии Марронье. Английский – сверхгипнотичен. – Прим. авт.

37

Подробный комментарий “Списка приглашенных” занял бы слишком много места: отметим только, что в нем есть реальные лица под своими именами – политики (Ельцин, Береговуа, Балладюр), фотографы (Бартш), персонажи литературных произведений (Жан-Батист Гренуй, Патрик Бейтмен, Генри Чинаски) и кинофильмов, фэшн-дизайнеры (Боуэри), музыканты (Луиза Чикконе –

настоящее имя Мадонны), философы (Кон-Бендит, Деррида).

38

По традиции, во Франции в праздник подают пирог с запеченным в него на счастье бобом, а нашедшего провозглашают королем или королевой.

39

…теле, потому что, если вы… (англ.)

40

…чересчур топорно, понимаете. О боже! Только взгляните на эту жемчужину… (англ.)

41

Мы совершим мегаполет в космос. Могу я называть вас Перль Харбор? (Зд. игра слов: Pearle – жемчужина – фр.) (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/frederik-begbeder/kanikuly-v-kome-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить